

Чтобы помнили...

НАЦИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА РСО-Алания

ИННОВАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ГЕНИЙ, КОТОРЫЙ БЫЛ РЯДОМ

К 100-летию со дня рождения
Азанбека Джанаева

МАТЕРИАЛ В ПОМОЩЬ БИБЛИОТЕКАРЯМ

г. Владикавказ, 2019

Составитель: Караева Р.Т.

Редактор: Абаева Л.Б.

Ответственный за выпуск : Хайманова И.А.

Гений, который был рядом [Текст] : к 100-летию со дня рождения Азанбека Джанаева : материал в помощь библиотекарям / ННБ РСО-Алания, Иннов. – метод. отдел ; [сост. Р.М. Караева; ред. Л.Б.Абаева] . – Владикавказ : Colibri, 2019 . – 19 с. : ил. – (Серия «Чтобы помнили...»).

© Р.Т. Караева, 2019

©Мт. ННБ «Colbri», 2019

*Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений.*

Ф.Глинка

*Художникам не нужно делать памятников,
потому что они уже созданы
их трудами...*

Антонио Гауди

«Ушел из жизни, ушел, как сорвался глыбой в пропасть небытия Азанбек Васильевич Джанаев. Удар был мощным – грохот и эхо мы будем слышать еще долго, и их не перекроет шум времени...». Так потрясающе точно, с болью, от которой перехватывает дыхание, писал Герман Гудиев после смерти гениального осетинского художника Азанбека Джанаева.

Народный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств СОАССР, лауреат Государственной премии имени К. Хетагурова, автор сценария и режиссер знакового художественного фильма «Осетинская легенда» и один из самых знаменитых иллюстраторов нартского эпоса Азанбек Васильевич Джанаев умер в декабре 1989 года.

1949-ый год. Ленинград. Ленинградский институт живописи и архитектуры им. Репина. Защищает дипломную работу студент факультета графики Азанбек Джанаев. Тема – «Альбом иллюстраций к осетинскому эпосу «Нартские сказания». Члены Государственной комиссии – выдающиеся советские живописцы и

графики Б. Иогансон, В. Орешников, Г. Верейский – были единодушны, отмечая, что перед ними художник неординарный. В своем выступлении Б. Иогансон сказал: *«Я думаю, что мы являемся сейчас свидетелями исключительного явления. Я не помню, чтобы кто-либо в последние годы выходил на защиту с такой повышенной романтикой великого эпоса своего народа. Мы видим в некоторых иллюстрациях такую стремительность, такую динамику и восторженность и все это на очень высоком профессиональном уровне. Его работы напоминают мне иллюстрации Доре».* *«Только исключительно одаренный иллюстратор, легко справляющийся со сложными композиционными задачами, с передачей любых движений, хороший рисовальщик, человек, одаренный богатой фантазией и легко воплощающий ее в художественных образах, в живых и реальных, при всей их фантастичности, только такой художник может осуществить задачу иллюстрирования эпоса, подобного осетинскому»*, – поддержал его Г. Верейский. А Виктор Орешников, не скрывая восторга сказал: *«В выпускаемом сейчас дипломанте мы имеем очень одаренного художника с большой фантазией, широким размахом. Это художник, который может свои замыслы очень сильно и убедительно воплощать в художественных произведениях. Я приветствую Джанаева!»*.

Сам Джанаев, объясняя причину обращения к данной теме, сказал: *«Красота, правдивость, мудрость и величайший патриотизм нартских сказаний – вот что меня заставило взять для дипломной работы эту*

тему». Все, что его восхищало в эпосе, в полной мере относилось и к самой личности Азанбека, наверное, поэтому нартские сказания стали его темой на всю жизнь.

Его имя впервые стало известно еще в 1939 году, когда на республиканской художественной выставке работы двадцатилетнего юноши получили одну из первых премий. В том же году на выставке самодеятельных художников в Москве демонстрируется еще одна работа, обратившая на себя внимание критиков: «Джанаев, безусловно, очень одаренный живописец, - писали в журнале «Искусство», - от которого в будущем, при условии систематической работы его над собой, можно ждать очень многого».

В успехе, которого достиг Джанаев при иллюстрировании «Нартских сказаний», свою роль сыграли не только талант, не только исключительная работоспособность художника, которую отмечали еще во время учебы его педагоги, но, несомненно, и то, что сам он был представителем нации, создавшей эпос о нартских богатырях. Известный советский график Сергей Приселков, будучи деканом графического факультета, на котором учился Азанбек, отмечал эти качества: *«Перед нами, конечно, настоящий мастер, реалист, обладающий огромной трудоспособностью, всем существом связан со своим народом. Для меня это одно из редких, я бы сказал, выдающихся явлений...»*.

В статье «Новый отряд художников», опубликованной в журнале «Искусство», Б. Иогансон, анализируя работы выпускников института им. И. Репина, пред-

ставленные на итоговой выставке, пишет: *«Работы дипломника Джанаева, посвященные осетинскому эпосу, выдающееся явление за последние годы. О них можно говорить как о работах прекрасного, опытного рисовальщика-профессионала с богатой фантазией, совершенно свободно владеющего сложными композициями».*

«Чтобы творить эпос, надо обладать адекватной ему силой. Художник такой силой обладал. История осетинской живописи и графики знает два имени, воссоздавших в зрительных образах нартовский эпос как никто другой: это М. Туганов и А. Джанаев. Туганов дал основу, несущую конструкцию, – дух! Джанаев наполнил эпос, плотью», – писал Герман Гудиев.

Какая потрясающая сила, мощь, единство в его «Симде», в плотно сомкнувшейся цепи танцующих нартов, образующих гигантское кольцо, уходящее вдаль, и, кажется, опоясывающее всю землю. Эта картина – абсолютная иллюстрация описанного В.И. Абаевым танца в исследовании «Нартовский эпос осетин». «Этот старинный своеобразный и стильный массовый танец даже сейчас, при хорошем исполнении, производит впечатление внушительное. Помноженный на нечеловеческую мощь и темперамент нартовских титанов, он, по уверенности сказаний, сотрясал землю и горы и являл из ряда вон выходящее зрелище. Даже боги с небес взирали на богатырский пляс с изумлением, к которому примешивалась изрядная доля страха».

Он не писал научных статей, не был историком, этнографом, литературоведом, но глубочайшее погружение в материал, знание темы, без сомнения, поз-

воляет назвать его выдающимся нартоведом. «Аланы», «Бой нартов с небожителями», «Три нарта, преследующих оленя», «Битва нартов с небожителями» – эти картины наполнены такой невероятной мощью, таким эпическим размахом, которым пронизаны нартские сказания. Но при этом в картинах Джанаева это живые, земные люди с яркой национальной принадлежностью.

«Он как могучий дуб, он вырос на земле отцов, а его корни уходят в глубины эпоса, легенд, быта, в глубины души и крови...этим объясняется самобытность художника, и, кажется, напиши он осетина обнаженным, со спины, вы бы все равно безошибочно определили не только национальность, но и походку его», – писал Герман Гудиев в 1967 году в газете «Молодой коммунист».

Те, кто хорошо знал Джанаева, называли его эрудицию глобальной. Глубокое знание истории, этнографии художник демонстрирует в масштабных полотнах «Осетинское посольство в Петербурге в 1749 году», «Посвящение коня у осетин», «Участие осетинской сотни в русско-турецкой войне 1877–1878 годов». В 1959-1960 гг. Джанаев работает над большим полотном «Вывод невесты». Наряду с другими произведениями художника оно демонстрировалось на выставке во время декады осетинского искусства и литературы в Москве в 1960 году.

Предмет постоянного внимания художника – иллюстрации произведений осетинской художественной литературы. Глубочайшее знание жизни своего народа

позволили Джанаеву проиллюстрировать выдающиеся произведения осетинской литературы «Афхарды Хасана» А. Кубалова, «Аджериты Куыццыкк» Г. Баракова, «Дзандзирак» Г. Малиева. Но наибольшее количество иллюстраций в его исполнении принадлежит произведениям Коста Хетагурова. Еще в 1952 году он пишет маслом иллюстрации к поэме «Фатима», а в последние годы создает серию иллюстраций к стихотворению «На кладбище». Ошеломляет графическая серия, обозначенная как «Поэма о коне». Минует несколько лет, и листы дипломной работы Азанбека Джанаева, посвященные нартскому эпосу, вызовут восторг и удивление у известного художника-анималиста М. Авилова: *«Посмотрите, как он свободно оперирует тем конем! Не знаю, где он успел обучиться, ибо батальный класс в Академии художеств только начал функционировать, а ему достаточно известна вся конструкция коня, его движения».*

Когда-то, объясняя свой переход с живописного факультета на графический, Азанбек говорил: *«Я был молод и испытывал особую жадность. Мне хотелось овладеть мастерством живописца и графика одновременно».* Та же жадность к овладению различного рода искусствами, стала, видимо, причиной поступления на режиссерский факультет ВГИКа.

Учеба во ВГИКе, великолепное знание быта и обычаев горцев сделали свое и в 1959 году авторы фильма «Фатима» остановили свой выбор художника по костюмам на Джанаеве.

Именно это привело его к мысли самому заняться созданием фильма: *«Я давно мечтал оживить своих героев, наделить их характерами не раз и навсегда, но которые могли бы меняться, развиваться, совершенствоваться. Путь к этому я видел в кино. Образы кино, на мой взгляд, те же образы изобразительного искусства, только переданные в своем движении»*. И мастерская художника превратилась в съемочный павильон. Но непосредственно к съемкам он не спешил приступать. В это время он сам написал сценарий по роману Икскуля «Святой Илья горы Тбау», так как все, кому он предложил написать, отказались. Затем очень долго занимался раскадровкой сценария. Здесь-то и раскрылось его мастерство графика.

«Впервые мы встретились в 1959 году на съемках фильма «Сын Иристана». Он познакомил меня с идеей кинокартины «Осетинская легенда». Я с недоверием отнесся к нему, думал, что такого может поставить в кино художник-график, пусть и выдающийся, – вспоминал первый профессиональный кинооператор Мирон Темиряев, – однако я ошибся. Азанбек оказался разносторонне одаренным человеком. Джанаев «нарисовал» весь будущий фильм «Осетинская легенда» – каждый эпизод, каждый кадр, каждый крупный план. И все настолько профессионально, что приходилось удивляться».

В 1965 году в газете «Правда» появилась краткая информация о том, что в Северной Осетии заслуженным художником РСФСР А. Джанаевым снят худо-

жественный фильм «Осетинская легенда», сценарий к которому написан им самим, и что скоро фильм выйдет на экраны. Несколько сухих строчек. А между строчками – семь лет тяжелого труда, непрерывного творческого поиска, разбавляемого самыми прозаичными вещами: то седел нет, то костюмов, то пленки не те, нет денег, транспорта... Действительно, он был и гримером, и портным, и художником, и декоратором.

Чтобы донести жизненную правду без фальши, без театральной наигранности, Джанаев выбирает не профессиональных актеров, а людей, не имеющих отношения не только к кино, но и вообще к искусству. Залихан, главную героиню, играла заведующая детским садом Клара Джимиева, а Ахсарбек Калицев, с такой точностью передавший мужественный и сильный характер Урусхана, был электриком на заводе «Электроцинк».

17 марта 1966 года во Владикавказе свершилось событие, ставшее историческим для культурной жизни Осетии. В этот день в кинотеатре «Дружба» состоялась премьера первого осетинского художественного фильма «Осетинская легенда». В этот же день 17 марта 1966 года в газете «Социалистическая Осетия» была опубликована статья молодой журналистки Ирины Гуржибековой, в которой она с восторгом писала о фильме, об Азанбеке. Этот суровый, мужественный и немногословный человек вдруг удивительно поэтично и образно рассказал ей о своей влюбленности в кино: *«Знаете, у нарта Ацамаза была волшебная флейта, и он так красиво играл на ней, что сама природа, очарованная*

звуками флейты, замирала, солнце останавливало свое вращение, горные потоки и водопады застывали... Эту волшебную флейту напоминает мне искусство кино. Оно столько впитало в себя, и столь же много отдает людям!». И потрясенная разговором с этим удивительным человеком, она посвящает ему стихи:

*Пусть строгие критики морщат лбы, скрипят голоса и перья –
Но в мире нет завидней судьбы, чем трудные судьбы первых.
Я знаю: вспыхнут в селеньях горных огни киностудий
за рядом ряд...*

*Героями станут новые горы, последняя сакля оденет гордо
Свой музейный наряд...*

*Но и тогда, через десятилетия, пускай – хороша ли, плоха –
С экрана смотрит моя Осетия глазами твоей Залихан.*

Поэтику фильма отметила и Литературная газета: «... это поэтический фильм, пронизанный горячей любовью к своей стране, к своему народу. Аплодисменты сопровождали отдельные эпизоды фильма – такое мне доводилось слышать, пожалуй, только на фестивальных просмотрах...». И здесь же: «... автор фильма известный осетинский художник Азанбек Джанаев, – и сценарист, и режиссер, и оператор, и художник, и гример, и даже портной».

Кинокритик Ромил Соболев в журнале «Спутник кинозрителя» в августе 1966 года писал: «Фильм этот – единственный в своем роде. Его титры сообщают о том, что он «...создан кинолюбителями Северной Осетии. В основных сценах снимались служащие, рабочие и колхозники... Фильм создала большая группа люби-

телей... Однако автором сценария, режиссером, художником и первым оператором был один человек – Азанбек Джанаев, человек разносторонне одаренный и талантливый».

Живопись, графика, скульптура, кинематография — таков диапазон творческой деятельности Азанбека Джанаева. Его неумной творческой натуре было тесно в рамках одного жанра. Его неукротимая человеческая мощь не уместалась в стереотипах человеческого бытия. Жажда познания, энергия, трудолюбие, стремление попробовать свои силы в разных областях толкали его к поискам новых возможностей для самовыражения. Он создал произведения, навсегда вошедшие в сокровищницу осетинского национального искусства. Черпал вдохновение в древней истории своего народа, в его эпосе, в его природе. Он очень любил горы. В интервью газете «Социалистическая Осетия» он говорил: *«До боли в сердце люблю горы!.. На свете много прекрасных мест, но без гор жизнь для меня была бы не интересна».* Видимо, стихия гор была сродни его мощной натуре. В нем было удивительное соединение творческого и человеческого таланта. Как не вспомнить слова Николая Бердяева: *«Гениальный художник соединяет в себе гениальную натуру с художественным талантом».* Не будет преувеличением сказать, что его гений художника был равнозначен его человеческому гению.»

«В Союзе художников существовала специальная статья расходов – творческая помощь, – пишет в своих воспоминаниях М. Царикаев, – ... Никогда он этой

возможностью не пользовался, считая это ниже своего достоинства». В долг брал только когда нужно было принять, как подобает, гостей, называя день возвращения долга. И никогда этот срок не был нарушен.

«Джанаев был человеком широкой души и щедрого сердца, был исключительно доброжелателен, его помыслы были чисты, как родник. Он высоко ценил талант», – писал о нем Музафер Дзасохов. И действительно, он мог удивительно искренне, как ребенок, радоваться чужому успеху. Все, кто знал Азанбека близко, отмечали свойственное ему стремление найти смысл во всем, определить настоящее духовное содержание жизни.

Главное, что его отличало – он был абсолютно свободным человеком. *«Творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит»,* – говорил Н. Бердяев. Но Джанаев был свободен не только в творчестве. Он никогда не изменял своим принципам. Его убеждения были простыми и вытекали из им самим сформулированного раз и навсегда правила, характеризующего его как величайшего гуманиста, – *«Нужно быть человеком!»* Да, он обладал внутренней свободой. Даже проблему взаимоотношений власти и художника он решил для себя кардинально и бескомпромиссно, как настоящий художник, по-пушкински: *«Для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи»*. Вся его жизнь была вызовом обывательскому «здравому смыслу», – сам его образ был живым напоминанием о свободных художниках прошлого: немного хмельной чудак, небрежно одетый, с неустроенным бытом, бесконечно

талантливый и страдающий от безденежья. Он в прямом и переносном смысле жил своим искусством. Для времени, когда каждый был встроен в систему, этот шаг требовал немалого мужества. Джанаев в систему встроен не был. Он даже не счел нужным прийти на церемонию вручения ему звания «Народный художник СОАССР» потому, что не мог получить его из рук Первого секретаря обкома партии, о котором был не очень высокого мнения, и незадолго до этого высказал ему в письме все, что думал о нем, не выбирая выражений. Маирбек Царикаев, возглавлявший в то время Союз художников, вспоминал: *«Я был ошеломлен содержанием письма и эпитетами, которыми он удостоил своего обидчика»*. Девиз генерала Бичерахова: «Никто не тронет меня безнаказанно», мог быть начертан и в кодексе жизни Азанбека».

Да, он был свободен, но он никогда не был «свободен» от традиций своего народа. Он был плоть от плоти осетин, в лучшем смысле этого слова. Получивший традиционное воспитание в своей семье, он никогда не нарушил привитых ему норм поведения. Уважение к старшему было для него законом, который преступить невозможно, закон гостеприимства в его доме не нарушался никогда. Те, кто бывал там, отмечали его виртуозное владение искусством тамады. Каждый тост, который он произносил, *«был шедевром устного зодчества, полным вдохновения и неповторимости, какие свойственны натурам, свободно владеющим арсеналом выразительных средств, а не набором шаблонов на любой*

случай», – писал Г. Гудиев. Сохранение человеческого достоинства верность своим убеждениям и принципам были, пожалуй, самыми главными в его иерархии ценностей. Он жил, как и творил, сообразно со своим видением мира.

Гений Джанаева многообразен, многогранен и неисчерпаем. В каждой из областей художественного творчества он оставил произведения грандиозные по масштабам и силе. Он был гениальным живописцем, рисовальщиком, скульптором, кинематографистом. Он был патриотом, с оружием в руках отстаивавшим свободу и независимость своей родины. Он был личностью планетарного масштаба. Он был ЧЕЛОВЕКОМ!

В 1914 году Шаляпин, будучи в Норвегии и увидев памятники Ибсену и Бьернсону, с восхищением писал: *«Не успели люди умереть, а уж им памятники поставили! Спокойный народ норвежцы, а как торопятся почтить своих великих людей! Мы, русские, – люди беспокойные, но до сего дня у нас нет памятников Тургеневу, Достоевскому, Толстому, Некрасову...»*. Как же актуально это для нас и сегодня! Ведь, к великому сожалению, до сих пор нет достойного художника альбома, нет глубокого искусствоведческого исследования его творчества.

Герман Гудиев свое эссе об Азанбеке завершает совершенно потрясающе: *«...смерть Азанбека Джанаева, убежден, преступление высших сил перед всем человечеством. И понимая, что ничего вечного нет, хочется, чтобы такие, как Азанбек, жили вечно и*

радовали даже мыслью о своем существовании... Память моя о Джанаеве на весах моих зашкаливает и тяготеет к бесконечности... В ареопаге осетинских богов у меня их, как на картине Васнецова с витязями, – трое. Это Коста Хетагуров, Махарбек Туганов и Азанбек Джанаев... На этих троих стоит Осетия».

Бессмертия нет. Бессмертие есть!

_____ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

Серия иллюстраций к узбекскому эпосу «Алпамыш» (1950)

Серия иллюстраций к карело-финскому эпосу «Калевала» (1951)

Серия иллюстраций к произведениям осетинских писателей (1952)

Графическая серия на тему «Сельские труженики» (1954—1955)

4 живописных полотна посвящ. жизни К. Л. Хетагурова (1956—1957)

Графическая серия посвященных истории Осетии (1957)

Серия живописных полотен на тему «Осетия советская» (1958—1960)

Иллюстрации к книге Василия Яна «Чингиз-Хан» (1960)

Серия скульптурных произведений (1960—1963)

Графическая серия «В горах» (1963)

Крупная серия иллюстраций к нартскому эпосу (1974-1979)

ЛИТЕРАТУРА

Бациев, А. Хорошее начало [Текст] / А. Бациев // Растдзинад . – 1969 . – 22 октября.

Гудиев, Г. Вершины [Текст] / Владикавказ : Ир , 2003 . – С. 36-39.

Гудиев, Г. Пока бьется сердце [Текст] / Г. Гудиев // Молодой коммунист . – 1967 . – 16 мая.

Гудиев, Г. Портрет без багета [Текст] / Г. Гудиев // Дарьял . – 2004 . – № 5 . – С.144-167.

Дзантиев, А. Многогранность таланта [Текст] / А. Дзантиев // Социалистическая Осетия . – 1967 . – 21 июня.

Дзасохов, М. Годы продолжительностью в месяцы [Текст] / М. Дзасохов // Мах дуг . – 2014 . – №11.

Дзасохов, М. Победа Азанбека [Текст] / М. Дзасохов // Растдзинад . – 1966 . – 27 февраля.

Езерская, Н. Художники Северной Осетии [Текст] / Н. Езерская . – М. : Искусство , 1959 . – С. 24.

Иогансон, Б. Новый отряд художников [Текст] / Б. Иогансон // Искусство . – 1949 . – №5 . – С.25.

Семенов, Е. Легенда, возвращенная к жизни [Текст] / Е. Семенов // Отчизна . – 1997 . – №4.

Соболев, Р. Обзор киноафиши [Текст] / Р. Соболев // Спутник кинозрителя . – 1966 . – Август . – Режим доступа: <http://www.kino-teatr.ru/kino/art/rino/3553/print>.

Ужегов, С. Второе призвание художника [Текст] / С. Ужегов // Правда . – 1965 . – 21 декабря.

Царикаев, М. Воспоминания художника [Текст] / М. Царикаев . – Владикавказ : Ир , 2003 . – С. 88-93.